

Демографические процессы в России как политическая проблема

Demographic processes in Russia as a political problem

DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-3-148-171

УДК 31+32

Получено: 03.07.2021

Одобрено: 04.09.2021

Опубликовано: 25.09.2021

Ерохин Н.А.

учитель МАОУ СОШ №1 - «Школа Сколково-Тамбов»

e-mail: n.ero.tmb@gmail.com

Erokhin N.A.

Teacher of «Skolkovo School-Tambov»

e-mail: n.ero.tmb@gmail.com

Аннотация

Целью настоящей работы является выявление и анализ политических последствий демографических процессов в России. В качестве *методологической основы* исследования выступает индикативный анализ, с помощью которого удалось выявить основные демографические факторы, оказывающие наибольшее влияние на политическую систему Российской Федерации. Данное влияние было рассмотрено через призму демографической безопасности государства. Для ее оценки были использованы 24 индикатора, разделенные на три группы: индикаторы численности и размещения населения (1), индикаторы структуры населения (2), индикаторы здоровья населения (3). Автором сформирована система пороговых значений для каждого индикатора, а на основе данных государственной и международной статистики, которые охватывают период 1990–2020 гг., проанализирована динамика индикаторов демографической безопасности России. Многоаспектный характер демографической безопасности стал причиной применения интегральной оценки (интернирование частных показателей в единый индекс), представляющую числовую оценку определенной части демографической обстановки в стране. *В результате* были вычислены интегральные оценки демографической безопасности России за последние 30 лет и проанализировано их влияние на политическую сферу. Ход развития демографических процессов показывает синусоидальный уровень демографической динамики в России и начало нового спада. *Практическая значимость* работы состоит в разработанной системе индикаторов демографической безопасности, которая позволяет осуществить полноценный анализ состояния демографического положения страны и / или регионов и выявить наиболее приоритетные направления для демографической политики в России.

Ключевые слова: индикативный анализ, демографическая безопасность, индикаторы демографической безопасности, население, численность населения, демографическая характеристика населения, здоровье населения.

Abstract

The purpose of this work is to identify and analyze the political consequences of demographic processes in Russia. The *methodological basis* of the study is indicative analysis, with the help of which it was possible to identify the main demographic factors that have the greatest impact on the political system of the Russian Federation. This influence was considered through the prism of the

demographic security of the state. To assess it, 24 indicators were used, divided into three groups: indicators of the size and location of the population (1), indicators of population structure (2), indicators of population health (3). The author has formed a system of threshold values for each indicator, and based on the data of state and international statistics, which cover the period 1990–2020, the dynamics of indicators of demographic security in Russia is analyzed. The multifaceted nature of demographic security has become the reason for the use of an integral assessment (internment of particular indicators into a single index), which represents a numerical assessment of a certain part of the demographic situation in the country. *As a result*, integral assessments of Russia's demographic security over the past 30 years were calculated and their impact on the political sphere was analyzed. *The practical significance* of the work lies in the developed system of indicators of demographic security, which makes it possible to carry out a full analysis of the state of the demographic situation of the country and / or regions and to identify the most priority areas for demographic policy in Russia.

Keywords: indicative analysis, demographic security, population, population size, demographic characteristics of the population, health of the population.

Введение

Всю человеческую историю демографические процессы представляли собой важнейшей фактор социального развития. Он не единожды приводил к исчезновению процветающих государств и народов, поглощению их народами, находящимися существенно ниже в социальном развитии, но обладающими большим демографическим ресурсом. Характер демографических процессов не раз создавал так называемые «цивилизационные ловушки» или «цивилизационные воронки», куда «проваливались» доминирующие некогда, но «недонаселенные» (или с деформированной национальной или половозрастной структурой) государства. С другой стороны, перенаселенность также вызывала внутренние негативные процессы и прямо формировала деструктивные политические линии вплоть до бунтов, мятежей, войн и революций.

Демографические процессы в России оказывают влияние на социальную, экономическую и политическую сферы, в связи с чем растет необходимость изучения характера и направленности этого воздействия. Современная Россия с самого начала своего существования переживает демографический кризис. В 1990-х гг. население России прошло сквозь череду социально-экономических и политических потрясений, приведших к ухудшению демографических показателей. Актуальные демографические тенденции указывают на то, что в скором времени Россия столкнется со значительными и нарастающими долгосрочными демографическими вызовами, которые наложат жесткие ограничения на ее развитие.

Влияние демографических процессов на политическую сферу России рассмотрено через призму демографической безопасности [9]. Демографическая безопасность выражает связь между демографическими характеристиками населения (такие как численность, расселение, структура и здоровье населения и т.п.) и политическими интересами государства. Как следствие, именно уровень демографической безопасности является показателем влияния демографических процессов на политическую сферу. В настоящем исследовании мы сфокусировали свое внимание на выделении факторов, являющихся угрозой для демографической безопасности России, и анализе их влияния на политическую сферу.

Целью настоящей работы является выявление и анализ политических последствий демографических процессов в России. Хронология индикативного метода заключается в диалектической связи анализа и синтеза (а именно – необходимо сначала разделить объект исследования на составные элементы, исследовать их в отдельности, выявить роли и места элементов в общей системе и, наконец, объединить отдельные части изучаемой системы в единую систему). В нашем случае объектом исследования является демографическая безопасность России как составная часть национальной безопасности. Составные элементы объекта – это 24 индикатора демографической безопасности, которые выражают частные

показатели состояния народонаселения России. Исследование составных частей объекта с позиций индикативного подхода заключается в сопоставлении фактических значений индикаторов безопасности с их пороговыми значениями, а также начислении заранее определенных баллов (*B*). Синтез происходит через согласование характеристик выделенных частей в виде интегрального уровня демографической безопасности (*ИУБД*), содержание которого формируется в виде суммы баллов набранными частными индикаторами демографической безопасности.

Обзор научной литературы

Сегодня в научной среде существует множество подходов к определению понятия «демографическая безопасность». В основном она понимается как состояние защищенности общества от внешних и внутренних демографических угроз [16, 41]. С.В. Соболева, О.В. Чудаева добавляют к защищенности обязательное поддержание суверенитета с помощью институциональной среды [29]. У А.Г. Вишневого демографическая безопасность выступает средством существования «бессмертия нации» [5]. Л.Л. Рыбаковский рассматривает демографическую безопасность как обеспечение геополитических интересов государства человеческим ресурсом [27]. С.И. Тиводар считает, что демографическая безопасность является одним из направлений национальной безопасности России, доказывая, таким образом, закономерность политико-правовой взаимосвязи национальной и демографической безопасности [30]. М.А. Харченко выделяет роль политико-управленческих решений для регулирования демографических процессов, оказывающих влияние на национальную безопасность [36]. Существует и военный взгляд на демографическую безопасность, однако обычно он ограничен лишь проблемой военно-мобилизационного потенциала государства [39].

По нашему мнению, также важно отметить и определение демографической безопасности в нормативно-правовых актах России и соседних государств. В отечественной системе нормативно-правовых актов демографическая безопасность является составной частью национальной безопасности и контролируется тремя нормативными актами: Федеральными законами «О безопасности» [35] и «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [34], а также Указом Президента «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [33]. В Указе Президента демографические проблемы отражены как третье (после обороны и политической стабильности) направление национальных интересов России: «повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны».

Далее всех в закреплении основ демографической безопасности ушла Белоруссия – в 2002 г. там был принят закон «О демографической безопасности Республики Беларусь». В нем описываются 4 демографических угрозы, которые «оказывают отрицательное воздействие на устойчивое развитие Республики Беларусь» [12]: депопуляция (1), старение населения (2), нерегулируемые миграционные процессы (3), деградация института семьи (4).

Для анализа воздействия отдельных демографических процессов на общество учеными реализуются множество моделей и шкал. Среди них можно выделить шкалу демографического старения Э. Роскета [21; 22] и классификацию типов возрастной структуры А.Г. Сундберга [2; 3]. Построение системных моделей для анализа демографической безопасности пока не так распространено, однако попытки из общественных различных наук уже были сделаны. Еще в начале 1990-х гг. демографические показатели (естественный прирост населения, миграционное сальдо, половозрастная структура и т.д.) использовались для построения социально-экономической диагностики регионов [8]. В 2001 г. Л.П. Шахотко и Н.Н. Привалова создали систему показателей демографической безопасности России, в которой выявили 29 индикаторов-угроз [41].

При использовании индикативного метода для анализа демографической безопасности основным вопросом является выбор показателей, которые должны быть учтены при диагностике демографической безопасности. В табл. 1 показаны подходы различных

коллективов авторов к проблеме выбора индикаторов демографической безопасности: 1. Л.П. Шахотько, Н.Н. Привалова (2001 г.) [41]. 2. В.А. Черешнев, А.И. Татаркин (2007 г.) [37]. 3. С.В. Соболева, О.В. Чудаева (2008 г.) [29]. 4. В.Б. Дударев (2008 г.) [10]. 5. П.А. Смелов, М.В. Карманов, В.Б. Дударев, А.М. Зареченский (2009 г.) [28]. 6. А.А. Куклин, А.Ф. Шориков, В.А. Тюлюкин (2011 г.) [17]. 7. С.Ю. Глазьев, В.В. Локосов (2012 г.) [6]. 8. О.Н. Калачикова, А.В. Короленко (2015 г.), «вспм» – означает, что индикатор вспомогательный) [14]. 9. А.В. Попов, О.Н. Калачикова (2015 г.) [19].

Таблица 1

Обзор подходов различных авторов к проблеме выбора индикаторов демографической безопасности России

Показатели	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Численность и размещение населения									
Изменение общей численности населения	+			+	+				
Плотность размещения населения					+			+	+
Представительство титульной национальности				+	+				
Индекс депопуляции				+	+			+	
Коэф. миграционного прироста населения		+		+	+		+	+	+
Динамика урбанизации									
Структура населения									
ОПЖ	+		+	+		+	+	+	+
Коэф. старости населения		+	+	+	+			+	+
Демографическая нагрузка на трудоспособное население			+		+			Вспм	+
Нетто-коэф. воспроизводства населения				+	+			+	+
СКР	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Общий коэф. смертности населения		+		+	+	+	+	Вспм	
Степень диспропорциональности полового состава				+	+			+	
Коэф. семейности				+	+			+	
Соотношение браков и разводов		+			+			Вспм	
Доля внебрачной рождаемости								Вспм	
Интенсивность аборт в репродуктивном возрасте			+	+				Вспм	
Здоровье населения									
Младенческая смертность	+	+				+		+	+
Уровень потребления алкоголя	+						+		
Уровень потребления наркотиков		+					+		
Заболеваемость псих. расстройствами	+	+				+	+		
Заболеваемость туберкулезом	+	+							
Заболеваемость вен. болезнями	+								
Доля ВИЧ-инфицированных		+							
Другое		Ур. жизни, Мат. обесп.				Мед. койки, п инвал ид.	Произ в. труда Эконо м.	Инвал.	

						Ур. Жизн и Прест уп. Безра б.	нерав е нство Прест у пност ь, ИРЧП		

Представленные в табл. исследователи являются специалистами в различных областях науки – экономики, демографии, социологии и т.д. Также из табл. становится виден существенный разрыв в количестве показателей, которые исследователи берут в расчет: от пяти до нескольких десятков.

Вторым важным вопросом при использовании индикативного метода для анализа демографической безопасности является проблема обобщения выбранных показателей. Самым простым способом является обычное сложение показателей демографической безопасности, которое в своем исследовании использовал В.Б. Дударев [10]. Подобный подход будет действовать только при условии полного равенства всех компонентов ИУБД, что практически невозможно достичь, однако этот недостаток можно обойти либо применением процедуры взвешивания частных балловых оценок различных отдельных компонентов анализируемого феномена, либо добавлением в формулу поправочных коэффициентов, которые высчитываются автором. Так, в 2009 г. М.В. Кармановым, А.М. Кармановым и П.А. Смеловым была разработана интегральная оценка уровня демографической безопасности социума (*ИУБД*), в которой каждому индикатору давался определенный экспертный вес – он определялся группой экспертов по принципу значимости и актуальности индикаторов [15].

Методы

Использование индикативного метода для анализа демографической безопасности России поднимает ряд вопросов.

1. *Какие индикаторы использовать для оценки демографической безопасности?* Как видно из табл. 1, существует множество версий выбора частных индикаторов демографической безопасности. Мы разделили показатели демографической безопасности на 3 субъективно равные группы: 6 индикаторов численности и размещения населения (1), 11 индикаторов структуры населения (2), 7 индикаторов здоровья населения (3).

2. *Как оценить отдельные индикаторы демографической безопасности?* Наиболее часто используемым подходом для решения данной проблемы является сравнение показателей индикатора и оптимума для того или иного демографического процесса. Оптимумом будет являться пороговое значение, превышение которого отрицательно сказывается на демографической динамике или, другими словами, превращает потенциальную демографическую угрозу в реальную.

Для оценки индикатора демографической безопасности будет использоваться определенная шкала баллов ($B_{\text{за демографический индикатор}}$), показывающий разницу между фактическими и оптимальными показателями индикаторов. Начисление баллов будет использоваться согласно шкале В.Б. Дударева [10] – всем демографическим индикаторам начисляется 10 баллов, за превышение (или недостижение) оптимума на 10% отнимается 1 балл, а за положительную динамику на 10%, наоборот, 1 балл плюсуется [10]. К примеру, оптимумом для индекса депопуляции является показатель 1,1 (он является отрицательным индикатором, поэтому баллы отнимаются за превышения показателя, подробнее в табл. 2), в 2015 г. фактический показатель был 1,03 (разница менее 10%), т.е. начисляется 10 баллов, а в 2010 г. он составил 1,24 (разница 24%), из-за чего отнимается 2 балла и ставится 8 баллов. Стоит отметить, что если разница между оптимумом и фактическим показателем превышает 100%, то балл может стать отрицательным.

Таблица 2

Методология оценки индикаторов демографической безопасности

Отрицательные индикаторы	Положительные индикаторы	Индикаторы разницы
Получают баллы за недостижение показателей оптимума, теряют за превышение показателей оптимума	Получают баллы за превышение показателей оптимума, теряют за недостижение показателей оптимума	Теряют баллы за разницу в показателях фактического значения и оптимума
1. Индекс депопуляции. 2. Плотность размещения населения. 3. Коэффициент старости населения. 4. Коэффициент демографической нагрузки. 5. Общий коэффициент смертности населения. 6. Степень диспропорциональности полового состава. 7. Младенческая смертность. 8. Коэффициент рождаемости. 9. Интенсивность аборт в репродуктивном возрасте. 10. Доля внебрачной рождаемости. 11-16. Взято под наблюдение больных с впервые установленным диагнозом: алкоголизм и алкогольные психозы, наркомания и токсикомания, активный туберкулез, ЗПП, болезнь, вызванная ВИЧ	1. Прирост (убыль) населения 2. Представительство титульной национальности 3. ОПЖ 4. Суммарный коэффициент рождаемости 5. Нетто-коэффициент воспроизводства населения 6. Коэффициент семейности	1. Коэффициент миграционного прироста населения 2. Динамика урбанизации

Для выбора показателей оптимума применялись разнообразные критерии. Для некоторых индикаторов были выбраны общепринятые демографические величины, например, простое замещение поколений определило оптимум у СКР, индекса депопуляции, нетто-коэффициента воспроизводства населения. Оптимумом для второй группы индикаторов (младенческая смертность, коэффициент смертности, ОПЖ) выступили данные стран с похожими природно-климатическими условиями (Швеция; Канада; Финляндия; Дания; Китай и др.). Третья группа, состоящая преимущественно из индикаторов здоровья населения, была определена динамическим критерием «уменьшение фактических показателей прошлого периода». Показатели оптимума для последней группы были выбраны в виде субъективной оценки как экспертной (уровень демографической нагрузки на трудоспособное население), так и авторской (для индикаторов коэффициент семейности, коэффициент рождаемости и доля внебрачной рождаемости оптимумом мы выбрали показатель 1990 г.).

3. *Как интегрировать отдельные показатели в единое целое?* После оценки отдельных индикаторов необходимо решить последний вопрос, а именно интернировать частные показания в единый индекс. Данную проблему нельзя решить простым алгебраическим складыванием всех индикаторов, поскольку объекты исследования у различных индикаторов различны. Однако, сумма баллов индикаторов внутри одной группы (напр., группы индикаторов численности и размещения населения) является довольно показательной, особенно в процентном соотношении к сумме баллов оптимальных показателей. Таким образом, на первом этапе интеграции мы дадим интегральную оценку всем группам демографических угроз во все рассматриваемые периоды по следующей формуле:

$$ИУБД(n) = \sum_i^n B_i$$

Интегральная оценка числительно выражена в интегральном уровне демографической безопасности ($ИУБД_n$) и определяется как сумма баллов (B), выявленная по всем применяемым отдельным индикаторам (i). К примеру, для группы индикаторов численности и размещения населения в 1990 г. $ИУБД(ЧРН)_{1990} = 20+14+7+11+9=61$ (индикатор «Представительство титульной национальности» в общий расчет не берется).

Вторым этапом будет подсчет доли фактического ИУБД к оптимальному ИУБД.

$$\text{ДИУБД}(n) = \frac{\text{ИУБД}_{\text{факт}}}{\text{ИУБД}_{\text{опт}}} \times 100\% = \frac{\sum_i^n B_{i-\text{факт}}}{i \times 10} \times 100\%$$

Для той же группы индикаторов численности и размещения населения в 1990 г. ДИУБД (ЧРН)₁₉₉₀ = (20+14+7+11+9) / (5×10) × 100% = 61/50×100%=122%. Этот интегральный показатель говорит о превышении фактических показателей индикаторов численности и размещения населения 1990 г. от оптимальных на 22%. На заключительном этапе мы проанализируем динамику изменений отдельных аспектов демографической безопасности и опишем их последствия для политической сферы.

Результаты анализа

Таблица 3

1. Индикаторы численности и размещения населения

Показатель	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	Оптимум
1.1 Численность населения / Прирост (убыль) населения (тыс. чел.) ¹ // В _{1.1}	147 665 / 5 126 (по сравн. с 1985 г.) // 20	148 459 / 794 // 12	146 890 / -1 569 // 7	143 801 / -3 089 // 4	142 833 / -968 // 8	146 267 / 3434 // 16	146 748 / 481 // 11	Прирост населения >0
1.2 Естественное движение населения (индекс депопуляции) ² // В _{1.2}	0,65 // 14	1,17 // 8	1,62 // 4	1,62 // 4	1,24 // 8	1,03 // 10	1,16 // 9	<1
1.3 Коэффициент миграционного прироста населения (на 10 тыс. чел.) ³ // В _{1.3}	30,88 // 7	40,63 // 7	16,45 // 3	7,47 // 2	11,06 // 9	16,77 // 8	7,5 // 2	Замещение естественной убыли, напр., для 2020 г. =46
1.4 Представительств о титульной национальности [23, 24, 25, 26] (%) ⁴ // В _{1.4}	81,23 (за 1989 г.) // 15	нет данных // не учитывается	79,83 (за 2002 г.) // 13	н.д. // н.у.	77,71 // 11	н.д. // н.у.	н.д. // н.у.	75
1.5 Плотность размещения населения (мера территориальной концентрации по федеральным округам) [38] ⁵ // В _{1.5}	≈0,97 (без учета С-К ФО) // 11	≈0,98 (без учета С-К ФО) // 11	≈1 (без учета С-К ФО) // 10	1,05 // 9	1 // 10	1 // 10	1,02 // 9	≤1 [13]

¹ Численность постоянного населения в среднем за год (Витрина статистических данных) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278930/> (дата обращения: 20.04.2021).

² Общий прирост постоянного населения (Витрина статистических данных) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278934/> (дата обращения: 20.04.2021).

³ Общие итоги миграции населения (по потокам передвижения) (1990-2019 гг.) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/migr1.xls (дата обращения: 20.04.2021).

⁴ Национальный состав населения // Всероссийская перепись населения - 2010 [сайт]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.xlsx (дата обращения: 20.04.2021).

⁵ Распределение земель Российской Федерации по категориям в разрезе субъектов Российской Федерации (на 1 января 2019 г., тыс. га) // Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии [сайт]. URL: [https://rosreestr.gov.nj/upload/Doc/06-upr/O.223a2019год \(по субъектам РФ\).doc](https://rosreestr.gov.nj/upload/Doc/06-upr/O.223a2019год%20по%20субъектам%20РФ.doc) (дата обращения: 20.04.2021).

1.6	Динамика урбанизации (доля городского населения в % / коэффициент интенсивности урбанизации) ¹ // В _{1.6}	73,64% / 4,9% (по сравн. с 1985 г.) // 9	72,95% / -0,93% // 10	73,13% / 0,24% // 10	73,09% / -0,05% // 10	73,59% / 0,68% // 10	74% / 0,55% // 10	74,7% / 0,94% // 10	=0 [31]

1.1. Наиболее простым показателем в демографии является численность населения, однако ее рассмотрение в статике представляется нам бесполезным, в отличие от изучения динамики убыли / прироста населения [1; 15]. Для сегодняшней РФ оптимумом изменения численности населения выступает аспект прироста населения (т.е. больше нуля).

1.2. Показателем естественного движения населения является индекс депопуляции, т.е. доли смертности населения за определенный период к рождаемости. Оптимумом является показатель меньше единицы, свидетельствующий об отсутствии депопуляции населения.

1.3. Для анализа внешней миграции в Россию нами был взят коэффициент интенсивности чистой миграции, который показывает характеристику результативности миграции, в виде отношения чистой миграции к численности населения на принимающей территории ($K_{\Delta} = \frac{I_t - E_t}{P_t} \times 10000$, где I и E – количество иммигрантов и эмигрантов за рассматриваемый период t). Для показателя оптимума был определен показатель динамического характера, равняющийся замещению естественной убыли населения. Так, для 2020 г., когда естественная убыль была в 688 тыс. чел., он составил 46.

1.4. С правовой точки зрения концепт «титульная нация» исключен из законодательства Российской Федерации как имеющий по своему характеру лишь декларативный характер и нормативно некорректный [11], однако с демографической точки зрения он представляет важнейшее значение. Титульной нацией называют распространенную этническую группу, культура и язык которой являются базовой для системы образования страны. В РФ такой группой является русская национальность. Так как данные о численности национальностей в России ограничиваются лишь переписями населения, мы ограничимся тремя временными отрезками – 1989, 2002 и 2010 г. Оптимумом мы субъективно выберем число представительства титульной нации в 75%. Поскольку в нашей стране отсутствуют данные о численности национальностей в межпереписные периоды, то этот индикатор учитываться в динамике изменения интегрального индекса не будет.

1.5-1.6. Показатели внутренней миграции рассматриваются сквозь призму урбанизации и дисбаланса плотности населения. Для анализа плотности размещения населения нами был выбран показатель в виде меры территориальной концентрации ($K = \sum |DS_i - DN_i|$, где DS_i – доля площади территории региона i , а DN_i – доля его населения) [38]. Границы значений меры территориальной концентрации находится в отрезке чисел от 0 (абсолютное равномерное распределение населения по территории) до 2 (все население находится в одной точке, остальные территории безлюдны) [13]. Основной единицей анализа были выбраны федеральные округа Российской Федерации (в результатах 1990, 1995, 2000 не учитывался Северо-Кавказский ФО). Значение оптимума было выбрано в виде единицы как срединного значения. Подсчет темпов урбанизации проводился посредством коэффициента интенсивности урбанизации ($K_i = \frac{DK_2 - DK_1}{DK_1} * 100\%$, где DK_1 – доля городского населения в начале рассматриваемого периода, DK_2 – доля городского населения в конце периода) [31].

Результаты интегрального уровня демографической безопасности для группы индикаторов численности и размещения населения (ИУБД (ЧРН)_{год}), в скобках указана разница со значением оптимума:

¹ Доля городского населения в общей численности населения на 1 января (Витрина статистических данных) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278932/> (дата обращения: 20.04.2021).

- ИУБД (ЧРН)_{год} = $V_{1.1} + V_{1.2} + \dots + V_{1.6} \left(\frac{\sum_i^n B_{i-факт}}{i \times 10} \times 100\% \right)$;
- ИУБД (ЧРН)₁₉₉₀ = 20+14+7+11+9=61 (122,00%);
- ИУБД (ЧРН)₁₉₉₅ = 12+8+7+11+10=48 (96,00%);
- ИУБД (ЧРН)₂₀₀₀ = 7+4+3+10+10=34 (68,00%);
- ИУБД (ЧРН)₂₀₀₅ = 4+4+2+9+10 =29 (58,00%);
- ИУБД (ЧРН)₂₀₁₀ = 8+8+9+10+10 =45 (90,00%);
- ИУБД (ЧРН)₂₀₁₅ = 16+10+8+10+10 =54 (108,00%);
- ИУБД (ЧРН)₂₀₂₀ = 11+9+2+9+10 =31 (62,00%).

Согласно ИУБД, связанным с численностью и размещением населения, динамика демографической ситуации в России представляет собой синусоидальный характер с верхними точками в 1990 и 2015 г. – в этих временных пунктах демографические условия по рассматриваемым критериям наиболее благоприятны. Этому есть два объяснения. Во-первых, в 1990 г. в России наблюдался естественный прирост населения, поскольку смертность еще не успела опередить падающую рождаемость, а внутренняя миграция в РСФСР прибавляла почти столько же людей, сколько и естественный прирост. В 2015 г. в фертильный возраст вошло многочисленное поколение начала конца 1980-х гг., что стало причиной и естественного, и общего прироста населения. Во-вторых, нельзя не отметить положительную динамику мер семейно-демографической политики государства 2010-х гг., в первую очередь, влияние материнского капитала на рождаемость в России. Все эти факторы позволили в 1990 и 2000 г. превысить оптимальные показатели интегрального уровня.

Нижними точками интегрального уровня численности и размещения населения являются показатели 2000 и 2005 г. Кроме стабильного индикатора «Динамика урбанизации» все показатели этих лет находятся за порогом оптимума. В первую очередь, это связано со сверхсмертностью и низким уровнем миграционного замещения, которое наблюдается в данные периоды.

Показатель 2020 г. также не вызывает оптимизма. Закончился недолгий период естественного прироста от поколения 80-х, в фертильный возраст вступает немногочисленное поколение 90-х., при этом темпы миграционного прироста также снижаются до незамещения поколений, что позволяет сделать вывод лишь о начале падения фактических демографических показателей от оптимальных.

В этой же группе находятся показатели внутренней миграции, которые рассматриваются сквозь призму урбанизации и дисбаланса плотности населения. Главной проблемой, связанной с размещением населения по территории России, является диспропорция населения между территориями европейской и азиатской частей страны. Территории последней образуют три федеральных округа: Дальневосточный, Сибирский и частично Уральский ФО, которые вместе дали 51% от полученной меры территориальной концентрации.

Таблица 4

2. Индикаторы структуры населения

Показатель	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	Оптимум
2.1 ОПЖ (лет) ¹	69,36	64,62	65,38	65,37	68,94	71,39	71,50	
//	//	//	//	//	//	//	//	≥80,5
B _{2.1}	8	7	7	7	8	9	9	
2.2 Уровень демографического	18,09	19,9	22,6	21,06	22,3	24,79	28,79	
	//	//	//	//	//	//	//	≤12

¹ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (1896-2019) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Z2Rdthu9/demo26.xlsx> (дата обращения: 20.04.2021).

старения (коэффициент старости населения) ¹ // В2.2	5	5	3	3	3	0	-5	
2.3 Демографическая нагрузка на трудоспособное население (коэффициент демографической нагрузки) ² // В2.3	0,75 // 7	0,76 // 7	0,63 // 9	0,59 // 10	0,62 // 10	0,71 // 7	0,77 // 7	≤0,6 [21]
2.4 Рождаемость (суммарный коэффициент рождаемости) ³ // В2.4	1,89 // 9	1,33 // 6	1,19 // 5	1,29 // 6	1,56 // 7	1,77 // 8	1,5 // 7	≥2,1
2.5 Смертность (общий коэффициент смертности населения на 1000 чел.) ⁴ // В2.5	11,2 // 12	15 // 8	15,3 // 7	16,1 // 7	14,2 // 8	13 // 9	14,5 // 8	≤12,5
2.6 Нетто-коэффициент воспроизводства населения ⁵ // В2.6	0,89 // 8	0,62 // 5	0,56 // 5	0,60 // 5	0,74 // 6	0,84 // 7	0,87 // 8	≥1,1
2.7 Степень диспропорциональности полового состава ⁶ В2.7	0,06 // 10	0,06 // 10	0,06 // 10	0,07 // 10	0,07 // 10	0,07 // 10	0,07 // 10	=0
2.8 Коэффициент семейности ⁷ // В2.8	8,9 // 10	7,3 // 7	6,2 // 6	7,4 // 7	8,5 // 9	7,9 // 8	6,5 // 6	≥8,9
2.9 Коэффициент разводимости ⁸ // В2.9	3,8 // 10	4,5 // 8	4,3 // 8	4,2 // 8	4,5 // 8	4,2 // 8	4,2 // 8	≤3,8
2.10 Доля внебрачной рождаемости (%) ⁹ // В2.10	14,6 // 10	21,1 // 6	28,0 // 3	30,0 // 2	24,9 // 4	21,6 // 6	21,2 // 6	≤14,6
2.11 Интенсивность аборт в репродуктивном возрасте (всего аборт на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет) [23, 24, 25, 26] // В2.11	113,9 // 10	72,8 // 13	54,2 // 15	42,7 // 16	31,7 // 17	23,8 // 17	18,0 // 18	Уменьшение показателей

2.1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении служит основой для характеристики существующего в стране общего уровня и возрастных особенностей смертности населения [32]. Для показателя оптимума мы взяли среднеарифметический

¹ Распределение населения по возрастным группам (1926-2020) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo14.xls> (дата обращения: 20.04.2021).

² Распределение населения по возрастным группам (1926-2020) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo14.xls> (дата обращения: 20.04.2021).

³ Суммарный коэффициент рождаемости (1960-2019) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo27.xlsx> (дата обращения: 20.04.2021).

⁴ Рождаемость, смертность и естественный прирост (1950-2019) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo21\(1\).xls](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo21(1).xls) (дата обращения: 20.04.2021).

⁵ Чистый коэффициент воспроизводства населения // Демографический ежегодник России. 2019. Стат.сб. М.: Росстат, 2019. 252 с.

⁶ Численность мужчин и женщин (1926-2020) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo13.xls> (дата обращения: 20.04.2021).

⁷ Браки (1950-2019) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo31.xls> (дата обращения: 20.04.2021).

⁸ Разводы (1950-2019) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo32.xls> (дата обращения: 20.04.2021).

⁹ Родившиеся живыми по брачному состоянию матери // Демографический ежегодник России. 2019. Стат.сб. М.: Росстат, 2019. 252 с.

показатель ОПЖ некоторых стран, с похожими природно-климатическими условиями (Швеция-82,4; Канада-82,2; Финляндия-81,6; Дания-81,3; Китай-77,4 и др.)¹.

2.2. Уровень старения населения определяется через коэффициент старения ($K_x = \frac{S_{x+}}{S} \times 100\%$, где S_{x+} это число людей выше возраста x , а S – общая численность населения) [2]. При использовании данного коэффициента возникает вопрос в определении границы начала старости (x), в различных источниках этой границей являются 60 (Классификация Френкеля, Классификация ВОЗ, Концепция «третьего» возраста Питера Ласлетта, «старый» мужской и «новый» женский пенсионный возраст в России), 65 (Большая Советская Энциклопедия, «новый» мужской пенсионный возраст), 70 (Классификация Флуранса) и др. [3]. Мы будем использовать для определения нижней границы старости возраст 60 лет, а показателем оптимума будет служить значение меньше или равно 12, что служит признаком демографической молодости населения или преддверием старости [21].

2.3. Уровень демографической нагрузки на трудоспособное население представляет нагрузку на общество непроизводительным населением. К последней группе относятся лица младше 15 лет и старше пенсионного возраста. Показателем данного индикатора является коэффициент демографической нагрузки, который представляет собой соотношение суммы людей ниже и выше трудоспособного возраста ($S_{нт}$ и $S_{вт}$, соответственно) к людям трудоспособного возраста (S_t) – $K_{дг} = \frac{S_{нт} + S_{вт}}{S_t}$. Основание для оптимума в $\leq 0,6$ было выбрано как экспертная оценка [21].

2.4. Основным показателем рождаемости признан суммарный коэффициент рождаемости, который показывает число средних рождений одной женщиной на протяжении всего репродуктивного периода. Оптимальный показатель СКР в 2,1 является признаком простого замещения поколений.

2.5. Общий коэффициент смертности населения на 1000 чел. является наиболее используемым показателем смертности. В качестве оптимума было выбрано значение $\leq 8,6$ как среднеарифметический показатель смертности некоторых стран, с похожими природно-климатическими условиями (Швеция-10,1; Канада-7,3; Финляндия-9,5; Дания-9,5; Китай-7,0 и др.).

2.6. Нетто-коэффициент воспроизводства населения высчитывается как среднее число рождений девочек, которые дожили до конца репродуктивного периода, одной женщиной ($R_0 = n \times d \times \sum_{15}^{49} F_x \times \frac{L_x}{l_0} \times 0.001$, где n – доля интервала, F_x — возрастные коэффициенты рождаемости, L_x — числа живущих женщин из таблиц смертности, d — доля девочек среди новорожденных) [4]. Оптимумом также является простое замещение поколений, т.е. показатель больше единицы.

2.7. Степень диспропорциональности полового состава показывает разницу удельных весов мужчин (d_m) и женщин ($d_{ж}$) в общей численности населения ($\Delta = d_{ж} - d_m$).

2.8-2.10. В отечественной науке встречается мнение о главенствующей роли института семьи в решении демографических проблем [18]. Более того, они считают, что кризис семьи является причиной №1 демографического кризиса в России [7]. Семья была и остается основным социальным институтом, регулирующим процесс естественного воспроизводства населения, поэтому анализ семейности общества представляется нам важным аспектом демографической безопасности. Основными показателями, характеризующими брачно-семейную структуру населения, являются коэффициенты брачности и разводимости. Оба коэффициента рассчитывают соотношение браков / разводов на 1000 чел. Для определения учета роли брачного состояния населения в показателях рождаемости нами был выбран индикатор доли внебрачной рождаемости. Показателями оптимума мы выбрали данные 1990 г., как предшествующего демографическому кризису в России.

¹ Life expectancy and Healthy life expectancy // Всемирная организация здравоохранения [сайт]. URL: <https://apps.who.int/gho/data/node.main.688> (дата обращения: 20.04.2021).

2.11. Проблема абортов была и остается одной из самых спорных в демографическом, юридическом, мировоззренческом дискурсах. Факт аборта имеет множество последствий как для отдельных женщин, так и для общества в целом. В контексте демографической безопасности нас интересует показатель интенсивности абортов в репродуктивном возрасте.

Результаты интегрального уровня демографической безопасности для группы индикаторов структуры населения (ИУБД (СН)_{год}), в скобках указана разница со значением оптимума:

- ИУБД (СН)_{год} = $V_{2.1} + V_{2.2} + \dots + V_{2.11} \left(\frac{\sum_i B_{i-факт}}{i \times 10} \times 100\% \right)$;
- ИУБД (СН)₁₉₉₀ = 8+5+7+9+12+8+10+10+10+10=99 (90,00%);
- ИУБД (СН)₁₉₉₅ = 7+5+7+6+8+5+10+7+8+6+13=93 (84,54%);
- ИУБД (СН)₂₀₀₀ = 7+3+9+5+7+5+10+6+8+3+15=80 (72,72%);
- ИУБД (СН)₂₀₀₅ = 7+3+10+6+7+5+10+7+8+2+16=79 (71,81%);
- ИУБД (СН)₂₀₁₀ = 8+3+10+7+8+6+10+9+8+4+17=86 (78,18%);
- ИУБД (СН)₂₀₁₅ = 9+0+7+8+9+7+10+8+8+6+17=89 (80,90%);
- ИУБД (СН)₂₀₂₀ = 9+(-5)+7+7+8+8+10+6+8+6+18=82 (74,54%).

Среди показателей демографической безопасности, связанных со структурой населения, мы можем выделить индикаторы с позитивной, негативной и стабильной динамикой. К позитивной относятся показатель общей продолжительности жизни, которая за 30 лет увеличилась на два года и индикатор интенсивности абортов в репродуктивном возрасте, сократившиеся за тот же период на 85%. Относительная стабильность наблюдается в показателях естественного прироста и брачной структуры населения – все та же синусоидальная кривая с верхними точками в 1990 и 2015 г., нижней точкой в 2005 и 2020 г. также является началом падения показателей все дальше от оптимума.

Наибольшего опасения в данной группе показателей вызывают индикаторы, связанные с возрастной структурой общества. При сравнении показателей демографической нагрузки на трудоспособное население в 1990 и 2020 г. мы видим идентичные показатели – 0,75 и 0,77, соответственно. Однако если 30 лет назад большая часть демографической нагрузки была вызвана младшей возрастной стратой, то сегодня именно пенсионеры являются основной группой демографических «иждивенцев». Это подтверждает огромный скачок коэффициента старости населения с 18,09 в 1990 г. до 28,79 в 2020 г.

Таблица 5

3. Индикаторы здоровья населения

Показатель	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	Оптимум
3.1 Младенческая смертность (на тыс. чел.) ¹ // В _{3.1}	17,4 // -6	18,1 // -7	15,3 // -3	11,0 // 3	7,5 // 8	6,5 // 9	4,9 // 12	≤6,4
3.2 Взято под наблюдение больных с впервые установленным диагнозом: алкоголизм и алкогольные психозы (на 100 тыс. чел.) ² // В _{3.2}	244,2 // 10	161,6 // 14	129,7 // 15	147,4 // 14	107,8 // 16	70,7 // 17	48,3 // 18	Уменьшение показателей
3.3 Взято под наблюдение больных с впервые установленным	4,3 // 10	10,4 // -6	51,4 // -20	18,6 // -14	18,1 // -14	14,5 // -13	9,8 // -11	Уменьшение показателей

¹ Младенческая смертность (1950-2019) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo22.xls> (дата обращения: 20.04.2021).

² Заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ // Российский статистический ежегодник. 2018: Стат.сб. М.: Росстат, 2018. 694 с.

диагноз: наркомания и токсикомания (на 100 тыс. чел.) ¹ // В _{3.3}									
3.4 Заболеваемость псих. расстройствами ² // В _{3.4}	108,5 // 10	91,2 // 12	83,1 // 13	67,3 // 14	52,0 // 16	42,8 // 16	40,0 // 17	Уменьшение показателей	
3.5 Зарегистрировано больных с диагнозом «активный туберкулез», установленным впервые в жизни (на 100 тыс. чел.) ³ // В _{3.5}	34,2 // 11	48,2 // 7	89,8 // -5	83,7 // -5	76,9 // -1	57,7 // 6	41,2 // 8	≤35	
3.6 Зарегистрировано больных с диагнозом ЗПП, установленным впервые в жизни (на 100 тыс. чел.) ⁴ // В _{3.6}	133,3 (без учета трихо мониаза) // 10	291,4 (без учета трихо мониаза) // -1	603,5 // -15	355,1 // -8	212,9 // 4	104,9 // 12	60,1 // 15	Уменьшение показателей	
3.7 Болезнь, вызванная ВИЧ, зарегистрировано больных всего / зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни ⁵ (на 100 тыс. чел.) // В _{3.7}	≈0 / ≈0 // 10	≈0 / ≈0 // 10	54,0 / 38,1 // 0	164,9 / 23,0 // 6	261,0 / 40,1 // -1	397,3 / 59,6 // -5	509,2 / 54,6 // -4	Уменьшение показателей	

3.1. Показатель младенческой смертности (доля детей, умерших на первом году жизни (M^l) к числу родившихся детей (N^l), т.е. $q_0 = \left[\frac{M^l}{N^l} + \frac{M^{-1}}{N^{-1}} \right] \times 1000$) является не только общепризнанным критерием оценки эффективности репродуктивно-демографического развития, но и важнейшей характеристикой общего состояния здоровья и уровня жизни населения страны [43]. Наблюдается обратная корреляция между показателем младенческой смертности и уровнем развития медицины. Для показателя оптимума мы взяли уровень среднеарифметический показатель младенческой смертности некоторых стран, с похожими природно-климатическими условиями (Швеция-2,4; Канада-5,2; Финляндия-1,9; Дания-3,7; Китай-18,4 и др.)⁶.

3.2-3.7. Показатели уровня потребления алкоголя и наркотиков связаны с индикаторами «Взято под наблюдение больных с впервые установленным диагнозом: алкоголизм и алкогольные психозы (на 100 тыс. чел.)», а также «Взято под наблюдение больных с впервые установленным диагнозом: наркомания и токсикомания (на 100 тыс. чел.)», соответственно. Последними индикаторами демографической безопасности в блоке

¹ Заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ // Российский статистический ежегодник. 2020: Стат.сб. М.: Росстат, 2020. 700 с.

² Заболеваемость населения социально-значимыми болезнями (2000-2019) // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/iv7mRWOs/zdr2-2.xls> (дата обращения: 20.04.2021).

³ Заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ // Российский статистический ежегодник. 2020: Стат.сб. М.: Росстат, 2020. 700 с.

⁴ Заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ // Российский статистический ежегодник. 2020: Стат.сб. М.: Росстат, 2020. 700 с.

⁵ Заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ // Российский статистический ежегодник. 2020: Стат.сб. М.: Росстат, 2020. 700 с.

⁶ Estimated infant mortality per 1000 live births (world health report) // Всемирная организация здравоохранения [сайт]. URL: https://gateway.euro.who.int/en/indicators/hfa_73-1100-estimated-infant-mortality-per-1000-live-births-world-health-report/visualizations/#id=18878&tab=table (дата обращения: 20.04.2021).

«здоровье населения» является заболеваемость населения социально-значимыми болезнями. Мы взяли 4 группы заболеваний из перечня социально значимых заболеваний, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715, представляющих наиболее сильную опасность для демографического развития страны, и проанализировали их динамику [20]. Были выбраны следующие заболевания: психические расстройства и расстройства поведения (1); впервые в жизни диагностированный активный туберкулез (2); впервые в жизни диагностированные инфекции, передающиеся преимущественно половым путем (ЗПП) – сифилис, гонококковая инфекция, трихомониаз (3); болезнь, спровоцированная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) – при регистрации больных всего, а также при фиксации больных с диагнозом, обнаруженным впервые в жизни (4). Для активного туберкулеза оптимумом был выбран эпидемиологический порог в 35 зарегистрированных случаев на 100 тыс. чел., для остальных – показатели отрицательной динамики.

Результаты интегрального уровня демографической безопасности для группы индикаторов здоровья населения (ИУБД (ЗН)_{год}), в скобках указана разница со значением оптимума:

- ИУБД (ЗН)_{год} = $V_{3.1} + V_{3.2} + \dots + V_{3.7} \left(\frac{\sum_{i \times 10}^n B_{i-факт}}{i \times 10} \times 100\% \right)$;
- ИУБД (ЗН)₁₉₉₀ = (-6)+10+10+10+11+10+10=55 (78,57%);
- ИУБД (ЗН)₁₉₉₅ = (-7)+14+(-6)+12+7+(-1)+10=29 (41,42%);
- ИУБД (ЗН)₂₀₀₀ = (-3)+15+(-20)+13+(-5)+(-8)+6=-18 (-25,71%);
- ИУБД (ЗН)₂₀₀₅ = 3+14+(-14)+14+(-5)+(-8)+6=10 (14,28%);
- ИУБД (ЗН)₂₀₁₀ = 8+16+(-14)+16+(-1)+4+(-1)=28 (40,00%);
- ИУБД (ЗН)₂₀₁₅ = 9+17+(-13)+16+6+12+(-5)=42 (60,00%);
- ИУБД (ЗН)₂₀₂₀ = 9+17+(-13)+16+6+12+(-5)=55 (78,57%).

В отличие от двух предыдущих групп, графически представить интегральный уровень демографической безопасности для группы индикаторов здоровья населения можно не как синусоиду, а в виде параболы с вершинами в 1990 и 2020 г. Однако данную кривую повторяет лишь один индикатор – «Зарегистрировано больных с диагнозом "активный туберкулез"», тогда как все остальные факторы либо стабильно идут вверх, либо также стабильно падают вниз.

Позитивная динамика наблюдается среди показателей заболеваемости психическими расстройствами (сокращение в 2020 г. на 43% по сравнению с 1990 г.), алкоголизма (сокращение на 80%), ЗПП (сокращение на 55%). Наиболее позитивно выглядит индикатор младенческой смертности, который за 30 лет сократился в три раза, что, несомненно, говорит об улучшении общего состояния здоровья и уровня жизни граждан России.

Наиболее негативная динамика группе индикаторов здоровья населения наблюдается у двух связанных между собой показателей: «взято под наблюдение больных с впервые установленным диагнозом: наркомания и токсикомания» и «зарегистрировано больных с диагнозом ВИЧ, установленным впервые в жизни». Несомненный скачок данных показателей за 30 лет требует категоричных действий от государства и общества: улучшать борьбу с распространением наркотиков и проводить пропагандистскую работу с населением.

4. Политические последствия демографических процессов в России

По мнению автора, основными демографическими вызовами для политической сферы в России являются депопуляция населения (индикатор 1.1), старение населения (индикаторы 2.2 и 2.3) и увеличивающиеся темпы диспропорциональности расселения (индикаторы 1.5 и 1.6). Сравнивая динамику населения России с соседним Китаем, США, Индией и странами Черной Африки и Ближнего Востока, амбиции России на статус сверхдержавы выглядят необоснованно. Если сравнить долю населения России с мировым, то в 1900 г. доля проживающего на территории современной РФ населения к мировому населению

составляла 4,6% (8% для всей Российской империи), а к 2015 г. этот показатель упал до 1,89 %¹. В начале XX в. Российская империя была четвертой по численности страной в мире (71 млн чел.), в 1991 г. СССР занимал третье место (294 млн чел.), современная Россия занимает девятое место (145 млн чел.), а к 2100 г. опустится до 22 места (по среднему прогнозу ООН ≈126 млн чел.)². Можно сделать вывод о снижении демографического веса России. При сохранении нынешних демографических тенденций по численности населения Россию численно потеснят такие страны, как Мексика, Филиппины, Египет, Иран, Турция³. Данные страны не только вырастут в численности, но и в силе, возможностях и политических притязаниях.

Депопуляция приводит к уменьшению плотности населения, сегодня для России она равняется 8,9 чел. на квадратный километр, а к 2100 г. уменьшится до 7,7. Для примера, сегодня плотность населения у Китая – 153, США – 36, Европы – 33 чел. на квадратный километр. Богатая на ресурсы, но малонаселенная территория России, особенно ее азиатская часть, может стать предметом геополитических претензий других государств. С 1990 г. население Сибири и Дальнего Востока уменьшилось на 4,1 млн чел. В основном это объясняется внутренней миграцией в центральную и западную части страны. При этом данный регион является пограничным с КНР. Появляются риски миграционного давления со стороны такого соседа.

Следующим политическим моментом, связанным с неравномерным распределением населения по территории России, является потенциальное ослабление федеральной власти в этнических субъектах Российской Федерации. Диспропорции в уменьшении населения более всего прослеживаются в этническом аспекте, поскольку основная часть депопуляции затрагивает русское население (индикатор 1.4). За период между переписями населения 2002–2008 гг. русская народность сократилась на 4,87 млн чел. (4%). Исторически сложилось, что российская государственность формировалась «под русскими», интегрирующая евразийское пространство. При этом именно государствообразующий народ понес наибольшие демографические потери с развалом СССР, что отрицательно сказывается на общей российской государственности.

По мнению автора, основной демографической угрозой для развития России является старение населения. Политические последствия для общества от происходящих одновременно сдвигов в демографической структуре населения будут катастрофичны. В скором времени доля пенсионеров возрастет с трети до половины, что повлияет на распределение ресурсов государства в сторону социального обеспечения, «оголяя» другие важные сферы, в частности обеспечение безопасности. Нарастающие темпы старения населения приводят к изменениям в идеологических запросах электората России. Уже сегодня в российской половозрастной пирамиде мы наблюдаем относительное преобладание женщин старших возрастов (индикатор 2.7). Их доля к общему населению России составила 14,5%, тогда как мужчин старше 60 лет всего лишь 7,6%. При этом в российской половозрастной структуре доля молодежи (15-35 лет) не на много превышает страту пожилых людей – 24,1%. Данные две страты являются наиболее политически активными, однако они имеют различные модели политического поведения. Молодежи в основном свойственна протестно-уличная активность, тогда как старшая возрастная страта действует более консервативно – через институт выборов. Это привело к тому, что основной

¹ Total Population – Both Sexes // United Nations Department of Economic and Social Affairs [site]. URL: https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20/EXCEL_FILES/1_Population/WPP2019_POP_F01_1_TOTAL_POPULATION_BOTH_SEXES.xlsx (Standard) (дата обращения: 20.06.2021).

² Country comparison: total fertility rate // Central Intelligence Agency (CIA): [сайт]. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html> (дата обращения: 07.07.2021); World Population Prospects // United Nations Department of Economic and Social Affairs: [site]. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/DataQuery> (дата обращения: 20.06.2021).

³ World Population Prospects // United Nations Department of Economic and Social Affairs: [site]. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/DataQuery> (дата обращения: 20.06.2021).

электоральной группой современной России являются женщины старше 55 лет и, как следствие, происходит смещение электоральных запросов в сторону социальных ценностей – образования, здравоохранения, комфортной среды [42, с. 184].

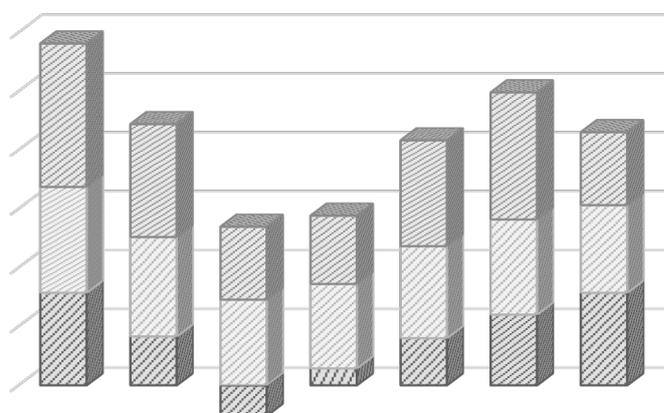
Резюме

В настоящем исследовании мы провели индикативный анализ демографической безопасности России. Демографическая безопасность, в понимании автора, является политической категорией, выражающей связь между демографическими характеристиками населения и политическими интересами государства. Как следствие, именно уровень демографической безопасности является показателем влияния демографических процессов на политическую сферу.

Были выделены 24 демографических индикатора, которые оказывают наибольшее влияние на политическую сферу России. Определение количественной оценки уровня демографической безопасности происходило за счет сравнения реального показателя к оптимальному. Интегральная оценка выделенных индикаторов проводилась по тематическим группам показателей: индикаторы численности и размещения населения (1), индикаторы структуры населения (2), индикаторы здоровья населения (3). Хронологическими рамками нашего исследования выступил период 1990–2020 гг. Общие результаты исследования представлены в графике №1.

График 1

Интегральные индексы демографической безопасности России по тематическим группам в период 1990–2020 гг.

	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
■ ИУБД численности и размещения населения	122,00%	96,00%	62,00%	58,00%	90,00%	108,00%	62,00%
■ ИУБД структуры населения	90,00%	84,54%	72,72%	71,81%	78,18%	80,90%	74,54%
■ ИУБД здоровья населения	78,57%	41,42%	-25,71%	14,28%	40,00%	60,00%	78,57%

Таким образом, проведенный индикативный анализ тенденций демографического развития Российской Федерации за период 1990–2020 гг. позволяет сделать следующие выводы:

1. Динамика демографической безопасности России носит синусоидальный характер с верхними точками в 1990 и 2015 г. В эти периоды наблюдаются положительные тенденции естественного и механического движения населения. Худшие показатели выявлены в 2000 г., когда убыль населения достигла рекордных 950 тыс. чел. в год. Подобная динамика является следствием волнового характера демографических процессов в России, выраженных в

чередовании относительно многолюдных (1990, 2015 г.) и малолюдных поколений (2000–2004 гг.). Согласно данной модели, с приходом в фертильный возраст малочисленного поколения 1990-х началась тенденция спада, что отчетливо проявилось в интегральных показателях 2020 г.

2. Среди частных показателей демографической безопасности наибольшую опасность для развития государства представляют следующие индикаторы: старение населения, доля ВИЧ инфицированных, распространение алкоголизма и наркомании. Как было выявлено, за период с 1990 по 2020 г. доля людей старше 60 лет возросла с 18 до 28%, что в 2,3 раза больше оптимального показателя. Уровень демографического старения общества в России будет продолжать расти, в конечном итоге пожилая страта станет самой многочисленной демографической группой в стране, что усугубит и другие демографические показатели, прежде всего, связанные с естественным воспроизводством населения. Наиболее существенной проблемой у молодой демографической страты является чрезмерное распространение социально значимых заболеваний – наркомании и ВИЧ. Исследователями показано, что большая часть ВИЧ-инфицированных – потребители инъекционных наркотиков, поэтому эти две проблемы идут в неразрывной связке [40]. Как видно из опыта многих стран, распространение ВИЧ приводит к социально-экономическому кризису. При этом фактор инфекции также негативно сказывается на большинстве демографических показателей – снижаются рождаемость и ОПЖ, повышаются смертность, инвалидность и заболеваемость населения, что только усугубляет демографический кризис.

3. Основным демографическим вопросом для политической стабильности государства на ближайшее поколение будет являться проблема увеличения миграционных потоков в страну. Определенность смены поколений в России обуславливает снижение рождаемости, начиная с 2015 г., когда в фертильный возраст вошло немногочисленное поколение начала 1990-х годов. При этом с каждым годом показатели старения населения увеличиваются, что означает невозможность сохранения положительных показателей естественного воспроизводства населения. Единственным средством для стабилизации численности населения является привлечение миграционных потоков, однако данный политический запрос является крайне дискуссионным. У России есть несколько стратегий для решения миграционной проблемы. Наиболее простым средством для увеличения населения страны является стратегия открытых границ, однако не стоит забывать, что мигранты имеют другую культуру и систему ценностей, часто не совпадающих с культурой и системой ценностей принимающей страны. Открытые границы также ведут к сверхурбанизации, поскольку мигранты в большинстве случаев выбирают для места жительства города с наиболее высокоразвитой инфраструктурой. По мнению автора, бесконтрольное увеличение миграционных потоков приведет к экстремизации и криминализированности групп мигрантов. Националистическая стратегия, напротив, направлена на ограничение миграционных потоков в страну, она опирается на антииммигрантские настроения и мигрантофобию, а также полностью зависит от веры в возможность естественного воспроизводства населения. Уже сегодня в политическом дискурсе звучат призывы полностью остановить миграцию, однако это сделать не только невозможно, но и экономически невыгодно. Таким образом, российским властям придется обратиться к миграционному ресурсу и потратить огромные средства для адаптации мигрантов в российское общество.

4. Демографические процессы со всей очевидностью заставляют поднять комплекс политических вопросов. В частности, они оказывают непосредственное влияние на геополитический статус государства, направление социальной политики, политическую стабильность. Проанализированная автором демографическая динамика ставит под угрозу демографический суверенитет России. Огромная территория России в связке с малочисленным, неоднородно расселенным, стареющим населением ведет к потере геополитического статуса сверхдержавы. В XXI в. именно демографический фактор станет

не просто камнем преткновения перед объективными политическим амбициям РФ, он, в худшем сценарии, явится ключевой причиной нашего ухода с исторической сцены.

Литература

1. Антонов А.И., Борисов В.А. Динамика населения России в XXI В. и приоритеты демографической политики. – Москва: Ключ-С, 2006. – 191 с.
2. Барсуков В.Н. Демографическое старение населения: методы оценки // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 4. – С. 1-9. - DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.2.
3. Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» // Экономические и социальные перемены: факты. тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. – № 1. – С. 34-55. - DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.2
4. Борисов В.А. Демография. – Москва: NOTABENE, 1999. – 272 с.
5. Вишневский А.Г., Витковская Г.С., Панарин С.А. Миграция и безопасность в России. – Москва: Интердиалект, 2000. – 341 с.
6. Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник РАН. – 2012. – № 7. – С. 587–604.
7. Гундаров И.А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. – Москва: Эдиториал УРСС, 2001. – 203 с.
8. Дмитриева О.Г. Региональная экономическая диагностика. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов, 1992. – 272 с.
9. Дударев В.Б. Карманов М.В. Теоретические вопросы построения системы показателей демографической безопасности // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2007. – № 4. – С. 40-45.
10. Дударев В.Б. Статистическое исследование демографической безопасности России. Дис. ...к-да экономических наук. – Москва, МЭСИ, 2008. – 160 с.
11. Заключение ПУ Аппарата ГД ФС РФ от 19.02.1999 № 2.2-15/4122 «На проект Федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» и соответствующий проект Постановления Государственной Думы» [электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=3364#02633566186936023> (дата обращения: 22.04.2021).
12. Закон Республики Беларусь № 80-З от 4 января 2002 года «О Демографической Безопасности Республики Беларусь» [электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь [сайт]. URL: <http://mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/o-demograficheskoy-bezopasnosti.pdf> (Дата обращения: 20.04.2021).
13. Калабихина И.Е., Мокренский Д.Н. Динамика численности населения муниципальных образований центральной России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2017. – № 6. – С. 97-124.
14. Калачикова О.Н. Короленко А.В. Региональная дифференциация демографического развития России в контексте демографической безопасности // Проблемы развития территории. – 2015. – № 6. – С. 127-142.
15. Карманов М.В., Карманов А.М. Смелов П.А. Особенности интегральной оценки демографической безопасности общества // Вестник УМО. Экономика, статистика и информатика. – 2009. – № 4. – С. 116-119.
16. Константинова Н.Н., Щербакова А.А. Демографическая безопасность и демографический капитал страны // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. – 2010. – С. 218-222.
17. Куклин А.А., Шориков А.Ф., Тюлюкин В.А. Диагностика и моделирование результативности управления системой здравоохранения для обеспечения социально-

- демографической безопасности регионов России // *Пространственная экономика*. – 2011. – № 4. – С. 72–92.
18. *Осиневич Л.М.* Анализ брачности и разводимости в контексте решения демографических проблем (на примере Курской области) // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2012. – № 45. – С. 44-52.
19. *Попов А.В., Калачикова О.Н.* Интегральные индексы в оценке демографической безопасности территорий // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2015. – № 46. – С. 56-66.
20. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 года №715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» [электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант» [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/12137881/> (дата обращения: 22.04.2021).
21. *Россет Э.* Продолжительность человеческой жизни. – Москва: Прогресс, 1981. – 384 с.
22. *Россет Э.* Процесс старения населения. – Москва: Статистика, 1968. – 508 с.
23. *Российский статистический ежегодник. 1995: Стат.сб.* – Москва: Росстат, 2020. – 976 с.
24. *Российский статистический ежегодник. 2006: Стат.сб.* – Москва: Росстат, 2006. – 799 с.
25. *Российский статистический ежегодник. 2018: Стат.сб.* – Москва: Росстат, 2018. – 694 с.
26. *Российский статистический ежегодник. 2020: Стат.сб.* – Москва: Росстат, 2020. – 700 с.
27. *Рыбаковский, Л.Л.* Демографическая безопасность: геополитический аспект // *Народонаселение*. – 2004. – № 1. – С. 22–34.
28. *Смелов П.А. Карманов М.В., Дударев В.Б., Зареченский А.М.* Методология экономико-статистического исследования демографической безопасности и здоровья общества. Коллективная монография. – Москва: МЭСИ, 2009. – 160 с.
29. *Соболева С.В., Чудаева О.В.* Демографическая безопасность России и ее регионов: факторы, проблемы, индикаторы // *Регион: экономика и социология*. – 2008. – № 3. – С. 147-167.
30. *Тиводар С.И.* Демографическая безопасность России: Дис. ...д-ра юрид. наук. – Ростов н/Д, 2008. – 345 с.
31. *Тихий В.И.* Изучение городского расселения в регионе в целях совершенствования территориального планирования // *Среднерусский вестник общественных наук*. – 2008. – № 6. – С. 31-35.
32. *Тоичкина В.П.* Методические аспекты оценки воспроизводства населения муниципальных образований (на примере Мурманской области) // *Вопросы государственного и муниципального управления*. – 2012. – № 3. – С. 188-194.
33. Указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 года «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант» [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/71296054/> (дата обращения: 22.04.2021).
34. Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. [электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант» [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/70684666/> (дата обращения: 22.04.2021).
35. Федеральный закон. № 390-ФЗ «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. [электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант» [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/12181538/> (дата обращения: 22.04.2021).
36. *Хадченко М.А.* Демографические процессы как угроза и условие обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: Дис. ...к-та полит. наук. – Ставрополь, 2008. – 167 с.

37. Черешнев В.А., Татаркин А.И. Социально-демографическая безопасность регионов России: методические аспекты, состояние, тенденции // Экономика региона. – 2007. – № 4. – С. 9-26.
38. Чернышева Н.В., Чернышев К.А. Показатели размещения населения: понятие и опыт оценки на региональном уровне // Наука и образование сегодня. – 2016. – № 7. – С. 46-47.
39. Чиркин В.В. Сущность и структура военной мощи государства [электронный ресурс] // Новый Оборонный Заказ. Стратегии. [сайт]. [21.07.2012]. URL: <http://dfnc.ru/c128-2012-2-19/sushchnost-i-struktura-voennoj-moshchi-gosudarstva> (дата обращения: 21.04.2021).
40. Шахмарданов М.З. Петросян Т.Р. Вич-инфекция и наркопотребление // Эпидемиология и инфекционные болезни. – 2018. – № 23(1). – С.60-67. - DOI: 10.18821/1560-9529-2018-23-2-60-6.
41. Шахотько Л.П., Привалова Н.Н. Демографическая безопасность: сущность, задачи, система показателей и механизм реализации // Вопросы статистики. – 2001. – № 7. – С. 16-21.
42. Шульман Е.М. Практическая политология. – Москва: Аст, 2021. – 320 с.
43. Tagare A., Chaudhari S., Kadam S. Mortality and morbidity in extremely low birth weight (ELBW) infants in a neonatal intensive care unit // Indian J. Pediatr. – 2013. – № 1 (80). – P. 16-20.

References

1. Antonov A.I., Borisov V.A. *Dinamika naseleniya Rossii v XXI V. i priority demograficheskoy politiki* [The dynamics of the population of Russia in the XXI century and the priorities of demographic policy]. M., Klyuch-S Publ., 2006. 191 p. (In Russian).
2. Barsukov V.N. Demograficheskoe starenie naseleniya: metody otsenki [Demographic Aging: Assessment Methods]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Issues of territorial development]. 2014, I. 4, pp. 1-9, DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.2. (In Russian).
3. Barsukov V.N., Kalachikova O.N. Evolyutsiya demograficheskogo i sotsial'nogo konstruirovaniya vozrasta «starosti» [Evolution of the demographic and social construction of the «old age»]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Change: Facts. trends, forecast], 2020, V. 13, I. 2, pp. 34-55, DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.2. (In Russian).
4. Borisov V.A. *Demografia* [Demographics]. Moscow, NOTABENE Publ., 1999, 272 p. (In Russian).
5. Vishnevskii A.G., Vitkovskaya G.S., Panarin S.A. *Migratsiya i bezopasnost' v Rossii* [Migration and security in Russia]. M., Interdiakt Publ., 2000, 341 p. (In Russian).
6. Glaz'ev S.Yu., Lokosov V.V. Otsenka predel'no kriticheskikh znachenii pokazatelei sostoyaniya rossiiskogo obshchestva i ikh ispol'zovanie v upravlenii sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem [Assessment of the extremely critical values of indicators of the state of Russian society and their use in managing socio-economic development]. *Vestnik RAN* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2012, I. 7, pp. 587–604. (In Russian).
7. Gundarov I.A. *Demograficheskaya katastrofa v Rossii: prichiny, mekhanizm, puti preodoleniya* [Demographic catastrophe in Russia: causes, mechanism, ways to overcome]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001, 203 p. (In Russian).
8. Dmitrieva O.G. *Regional'naya ekonomicheskaya diagnostika* [Regional Economic Diagnostics]. St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta ekonomiki i finansov Publ., 1992, 272 p. (In Russian).
9. Dudarev V.B. Karmanov M.V. Teoreticheskie voprosy postroeniya sistemy pokazatelei demograficheskoi bezopasnosti [Theoretical issues of building a system of indicators of demographic security]. *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO* [Economics, statistics and informatics. Bulletin of UMO], 2007, I. 4, pp. 40-45. (In Russian).

10. Dudarev V.B. *Statisticheskoe issledovanie demograficheskoi bezopasnosti Rossii* [Statistical study of Russia's demographic security]. M., MESI Publ., 2008, 160 p. (In Russian).
11. Zaklyuchenie PU Apparata GD FS RF ot 19.02.1999 № 2.2-15/4122 «Na proekt Federal'nogo zakona «O gosudarstvennoi politike Rossiiskoi Federatsii v otnoshenii sootchestvennikov za rubezhom» i sootvetstvuyushchii proekt Postanovleniya Gosudarstvennoi Dumy» [Conclusion of the PU of the Office of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated 02.19.1999 No. 2.2-15 / 4122 «On the draft Federal Law On the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad "and the corresponding draft Resolution of the State Duma»]. Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus» [Reference and legal system «ConsultantPlus»]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=3364#02633566186936023> (Accessed: 22.04.2021).
12. Zakon Respubliki Belarus' № 80-Z ot 4 yanvarya 2002 goda «O Demograficheskoi Bezopasnosti Respubliki Belarus'» [Law of the Republic of Belarus No. 80-3 of January 4, 2002 «On Demographic Security of the Republic of Belarus»] Ministerstvo truda i sotsial'noi zashchity Respubliki Belarus' [Ministry of Labor and Social Protection of the Republic of Belarus]. Available at: <http://mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/o-demograficheskoy-bezopasnosti.pdf> (Accessed: 20.04.2021).
13. Kalabikhina I.E., Mokrenskii D.N. Dinamika chislennosti naseleniya munitsipal'nykh obrazovaniy tsentral'noi Rossii [Dynamics of the population of municipalities in central Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika* [Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics], 2017, I. 6, pp. 97-124. (In Russian).
14. Kalachikova O.N., Korolenko A.V. Regional'naya differentsiatsiya demograficheskogo razvitiya Rossii v kontekste demograficheskoi bezopasnosti [Regional differentiation of the demographic development of Russia in the context of demographic security]. *Problemy razvitiya territorii* [Territory development problems], 2015, I. 6, pp. 127-142. (In Russian).
15. Karmanov M.V., Karmanov A.M., Smelov P.A. Osobennosti integral'nom otsenki demograficheskoi bezopasnosti obshchestva [Features of the integral assessment of the demographic security of society] *Vestnik UMO. Ekonomika, statistika i informatika* [Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics], 2009, I. 4, pp. 116-119. (In Russian).
16. Konstantinova N.N., Shcherbakova A.A. Demograficheskaya bezopasnost' i demograficheskii kapital strany [Demographic security and demographic capital of the country]. *Sovremennye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyi vzglyad* [Current trends in economics and management: a new look], 2010, pp. 218-222. (In Russian).
17. Kuklin A.A., Shorikov A.F., Tyulyukin V.A. Diagnostika i modelirovanie rezul'tativnosti upravleniya sistemoi zdravookhraneniya dlya obespecheniya sotsial'no-demograficheskoi bezopasnosti regionov Rossii [Diagnostics and modeling of the effectiveness of health care system management to ensure the social and demographic security of the regions of Russia]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2011, I. 4, pp. 72-92. (In Russian).
18. Osinevich L.M. Analiz brachnosti i razvodimosti v kontekste resheniya demograficheskikh problem (na primere Kurskoi oblasti) [Analysis of marriage and divorce rates in the context of solving demographic problems (on the example of the Kursk region)]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2012, I. 45, pp. 44-52. (In Russian).
19. Popov A.V., Kalachikova O.N. Integral'nye indeksy v otsenke demograficheskoi bezopasnosti territorii [Integral indices in assessing the demographic security of territories]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2015, I. 46, pp. 56-66. (In Russian).

20. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 1 dekabrya 2004 goda №715 «Ob utverzhdenii perechnya sotsial'no znachimykh zabolevanii i perechnya zabolevanii, predstavlyayushchikh opasnost' dlya okruzhayushchikh» [Decree of the Government of the Russian Federation of December 1, 2004 No. 715 «On approval of the list of socially significant diseases and the list of diseases that pose a danger to others»] Spravochno-pravovaya sistema «Garant» [Reference and legal system «Garant»]. Available at: <https://base.garant.ru/12137881/> (Accessed: 22.04.2021).
21. Rosset E. *Prodolzhitel'nost' chelovecheskoi zhizni* [Human Life Span]. M., Progress Publ., 1981, 384 p. (In Russian).
22. Rosset E. *Protsess stareniya naseleniya* [Population aging process]. M., Statistika Publ., 1968, 508 p. (In Russian).
23. *Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. 1995: Stat.sb.* [Russian statistical yearbook. 1995]. M., Rosstat Publ., 2020, 976 p.
24. *Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. 2006: Stat.sb.* [Russian statistical yearbook. 2006]. M., Rosstat Publ., 2006, 799 p.
25. *Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. 2018: Stat.sb.* [Russian statistical yearbook. 2018]. M., Rosstat Publ., 2018, 694 p.
26. *Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. 2020: Stat.sb.* [Russian statistical yearbook. 2020]. M., Rosstat Publ., 2020, 700 p.
27. Rybakovskii, L.L. Demograficheskaya bezopasnost': geopoliticheskii aspekt [Demographic Security: Geopolitical Aspect]. *Narodonaselenie* [Population]. 2004, I. 1, pp. 22-34. (In Russian).
28. Smelov P.A. Karmanov M.V., Dudarev V.B., Zarechenskii A.M. *Metodologiya ekonomiko-statisticheskogo issledovaniya demograficheskoi bezopasnosti i zdorov'ya obshchestva. Kollektivnaya monografiya* [Methodology of economic and statistical research of demographic security and public health. Collective monograph]. M., MESI Publ., 2009, 160 p. (In Russian).
29. Soboleva S.V., Chudaeva O.V. Demograficheskaya bezopasnost' Rossii i ee regionov: faktory, problemy, indikatory [Demographic security of Russia and its regions: factors, problems, indicators]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: economics and sociology], 2008, I. 3, pp. 147-167. (In Russian).
30. Tivodar S.I. *Demograficheskaya bezopasnost' Rossii* [Demographic security of Russia]. Rostov n/D, 2008, 345 p. (In Russian).
31. Tikhii V.I. Izuchenie gorodskogo rasseleniya v regione v tselyakh sovershenstvovaniya territorial'nogo planirovaniya [Study of urban settlement in the region in order to improve territorial planning]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences], 2008, I. 6, pp. 31-35. (In Russian).
32. Toichkina V.P. Metodicheskie aspekty otsenki vosproizvodstva naseleniya munitsipal'nykh obrazovaniya (na primere Murmanskoi oblasti) [Methodological aspects of assessing the reproduction of the population of municipalities (on the example of the Murmansk region)]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Issues of state and municipal administration], 2012, I. 3, pp. 188-194. (In Russian).
33. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii № 683 ot 31 dekabrya 2015 goda «O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii» [Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of December 31, 2015 «On the National Security Strategy of the Russian Federation»]. Spravochno-pravovaya sistema «Garant» [Reference and legal system «Garant»]. Available at: <https://base.garant.ru/71296054/> (Accessed: 22.04.2021).
34. Federal'nyi zakon № 172-FZ «O strategicheskom planirovanii v Rossiiskoi Federatsii» ot 28 iyunya 2014 g. [Federal Law No. 172-FZ «On Strategic Planning in the Russian Federation» dated

- June 28, 2014 No.]. Spravochno-pravovaya sistema «Garant» [Reference and legal system «Garant»]. Available at: <https://base.garant.ru/70684666/> (Accessed: 22.04.2021).
35. Federal'nyi zakon. № 390-FZ «O bezopasnosti» ot 28 dekabrya 2010 g. [Federal law. No. 390-FZ «On Security» dated December 28, 2010]. Spravochno-pravovaya sistema «Garant» [Reference and legal system «Garant»]. Available at: <https://base.garant.ru/12181538/> (Accessed: 22.04.2021).
36. Khadchenko M.A. *Demograficheskie protsessy kak ugroza i uslovie obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii* [Demographic processes as a threat and a condition for ensuring the national security of the Russian Federation]. Stavropol, 2008, 167 p. (In Russian).
37. Chereshev V.A., Tatarkin A.I. Sotsial'no-demograficheskaya bezopasnost' regionov Rossii: metodicheskie aspekty, sostoyanie, tendentsii [Socio-demographic security of Russian regions: methodological aspects, state, tendencies]. *Ekonomika regiona* [Regional Economy], 2007, I. 4, pp. 9-26. (In Russian).
38. Chernysheva N.V., Chernyshev K.A. Pokazateli razmeshcheniya naseleniya: ponyatie i opyt otsenki na regional'nom urovne [Indicators of population distribution: concept and experience of assessment at the regional level]. *Nauka i obrazovanie segodnya* [Science and Education Today], 2016, I. 7, pp. 46-47. (In Russian).
39. Chirkin V.V. Sushchnost' i struktura voennoi moshchi gosudarstva [Essence and structure of the military power of the state]. *Novyi Oboronnyi Zakaz. Strategii* [New Defense Order. Strategies]. Available at: <http://dfnc.ru/c128-2012-2-19/sushchnost-i-struktura-voennoj-moshchi-gosudarstva> (Accessed: 21.04.2021). (In Russian).
40. Shakhmardanov M.Z., Petrosyan T.R. Vich-infektsiya i narkopotreblenie [HIV infection and drug use] *Epidemiologiya i infeksionnye bolezni* [Epidemiology and infectious diseases], 2018, I. 23 (1), pp. 60-67. DOI: 10.18821/1560-9529-2018-23-2-60-6. (In Russian).
41. Shakhot'ko L.P., Privalova H.H. Demograficheskaya bezopasnost': sushchnost', zadachi, sistema pokazatelei i mekhanizm realizatsii [Demographic security: essence, objectives, system of indicators and implementation mechanism]. *Voprosy statistiki* [Questions of statistics], 2001, I. 7, pp. 16-21. (In Russian).
42. Shulman E. M. *Prakticheskaya politologiya* [Practical political science]. M., Ast Publ., 2021, 320 p. (In Russian).
43. Tagare A., Chaudhari S., Kadam S. Mortality and morbidity in extremely low birth weight (ELBW) infants in a neonatal intensive care unit, *Indian J. Pediatr.* 2013, I. 1 (80), pp. 16-20.